

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ В. В. БАРТОЛЬДА И А.Е. КРЫМСКОГО ИЗ  
АРХИВНЫХ ЦЕНТРОВ РОССИИ И УКРАИНЫ (1908–1928 ГГ.)<sup>12</sup>

ВАЛЕЕВ Р. М. / Ramil M. VALEEV<sup>3</sup>

ВАЛЕЕВА Р. З. / Roza Z. VALEEVA<sup>4</sup>

Василюк О.Д. / Oksana D. VASYLYUK<sup>5</sup>

Хайрутдинов Д. Р. / Dinar R. KHAYRUTDINOV<sup>6</sup>

Кириллина С. А / Svetlana A. KIRILLINA<sup>7</sup>

РЕЗЮМЕ

Ключевым поводом нашей статьи явился юбилей – 150 летие со дня рождения академика и востоковеда В. В. Бартольда, отмечаемый в России в 2019 г. В фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского сохранилось 10 писем В.В. Бартольда (1869–1930), адресованных А.Е. Крымскому (1871–1942), а в фондах Санкт-Петербургского архива Российской академии наук – 7 ответных писем А.Е. Крымского. Дошедшая до нас переписка охватывает двадцатилетний период – с 1908 по 1928 г. Основное внимание уделено их эпистолярному наследию 1920 гг. Эпистолярное наследие А.Е. Крымского и В. В. Бартольда имеет огромное историко-научное и культурное значение в истории российского и украинского, а также европейского востоковедения.

**Ключевые Слова:** Россия, Украина, Восток, Востоковедение, Эпистолярное наследие, Исламский мир.

ABSTRACT

The article analyzes the unpublished correspondence between V.V. Bartold and A.E. Krymsky during the period from 1908 till 1928. It contains valuable data which helps us to reconstruct main trends of the academic life and to have a better understanding of the problems which occurred in the field of Oriental studies in Russia in the 1908-1928 s. The correspondence of these distinguished scholars shows that they shared obvious common sympathy and similar professional interests. The letters of V.V. Bartold and A.E. Krymsky confirm that their primary concern was the state of Oriental studies and the system of education.

**Keywords:** Russia, Ukraine, East, Oriental Studies, Epistolary Heritage, The Islamic World.

---

<sup>1</sup> The study was conducted within the framework of the grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFFI) No. 18-09-00331 “The Epistolary Heritage of Russian Orientalists at the Turn of the Century: Correspondence of A. Y. Krymsky, V.V. Rosen, F.E. Korsch, V.A. Zhukovsky, S.F. Oldenburg, V.V. Bartold, N.A. Mednikov, P.K. Kokovtsov, V.F. Minorsky (1890–1930s)”.)

<sup>2</sup> Bu Makale 2-4 Kasım 2019 tarihleri arasında Antalya’da düzenlenen ASEAD 6. Uluslararası Sosyal Bilimler Sempozyumu’nda sunulan bildiriden geliştirilmiştir.

<sup>3</sup> Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Altaic and Chinese studies, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University

доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского (Приволжского) Федерального университета (e-mail: valeev200655@mail.ru)

<sup>4</sup> Ph.D (Pedagogics), Associate Professor, Head of Department at Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML).

<sup>5</sup> PhD (History), Senior Fellow of A. Krymsky Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Ukraine

<sup>6</sup> Ph.D., Assistant Professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML).

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения имени А.Е. Крымского Национальной академии наук Украины o\_vasylyuk@yahoo.com

<sup>7</sup> Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, s.kirillina@gmail.com

## ВСТУПЛЕНИЕ

В 2018 г. был пройден 120 летний рубеж начала преподавательской деятельности А. Е. Крымского в Лазаревском институте восточных языков в Москве и в 2021 г. традиционно будет отмечаться на Украине и в России также 150 летний юбилей со дня рождения академика А. Е. Крымского.

В 1941 г. академик И. Ю. Крачковский, выделяя мероприятия, посвященные 70-летию со дня рождения академика АН УССР А. Е. Крымского на Украине писал: «Для нашей Академии приятно отметить, что А. Крымский с ранних лет своей деятельности близко стоял к ее работе. < > Эта связь сохраняется до последних лет» [1, с. 129]. Во многом личные и профессиональные связи А. Е. Крымского органично связаны с академическими и университетскими востоковедами петербургского центра ориенталистики России. Особенно эта линия знаменательна в «документах личного происхождения» – переписке выдающихся ученых В. В. Бартольда и А. Е. Крымского в конце рубеже XIX – первые десятилетия XX вв.

В 1928 г. в своем письме к акад. И. Ю. Крачковскому в связи с планируемым юбилейным сборником в честь Н. Я. Марра отмечал: «Однако вместе с тем у меня возникает мысль: каким же образом петербургские ориенталисты пропустили юбилей другого ученого составляющего украшение русской ориенталистики? Я имею в виду Бартольда. Ведь ясно, что стоит только возбудить идею об издании сборника в его честь – и немедленно откликнется вся Европа, и сборник выйдет не менее импозантен и ценен, чем, напр., сборники в честь Нельдеке, Брауна и т.п. < > Ведь ясно, что такой сборник был бы достойным смотром ориенталистических старых сил и сборным свидетельством (увы, быть может, последним) того, что уходит в могилу и чего не будут в состоянии заменить ближайшие грядущие у нас ориенталисты» [3, с. 198].

В нашем выступлении нет особой необходимости говорить о биографических рубежах известных отечественных востоковедов Василия Владимировича Бартольда (1869–1930) и Агафангела Ефимовича Крымского (1871–1942), поскольку сформировалась оригинальная историографическая и источниковедческая база. Они были людьми одного поколения и даже общественных и научных идеалов, но выросшими в различных этосоциальных и этнокультурных условиях. Оба получили блестящее образование, и в конечном итоге стали яркими представителями востоковедных центров — петербургского, московского и киевского. Оба были востоковедами широкого профиля, выдающимися учеными в области арабо-мусульманской цивилизации. Оба были избраны академиками (Бартольд в 1913 г. в РАН, Крымский в 1918 г. в УАН).

Особенно письма А. Е. Крымского с новой стороны раскрывают нам и некоторые неизвестные моменты становления и развития советской украинской академической науки, в первую очередь востоковедения, после его переезда в Киев. На протяжении многих лет Крымский и Бартольд вели переписку, отражавшую их личное восприятие различных событий, благодаря чему мы теперь можем понять скрытые мотивы многих профессиональных и общественных процессов того времени и гражданскую позицию ученых и мыслителей.

Они сыграли исключительную роль в институционализации и профессионализации мировой ориенталистики, особенно арабистики, иранистики и тюркологии в России и Украине.

Эпистолярное наследие отечественных востоковедов XIX – начала XX вв. представляют бесценный источник по исследованию истории востоковедения в России и Европе. Особенно письма интересны в осмыслении судеб, научных поисков и достижений и в целом духовного опыта российских ориенталистов.

В отечественной и зарубежной историографии и источниковедении истории российского востоковедения сформировалась традиция изучения и введения в научный оборот эпистолярного наследия востоковедов России и Европы. Эти уникальные источники позволяют по новому оценить социальные и социально-психологические условия, а также факторы жизни и творчества известных и забытых ученых и преподавателей основных центров востоковедения в России и Украине.

В данном направлении перспективный интерес представляет эпистолярное наследие А.Е. Крымского и особенно переписка его с ведущими востоковедами России – В.Р. Розеном, В.В. Бартольд, П.К. Коковцовым, В.Ф. Миллером, Ф.Е. Коршем, И.Ю. Крачковским, Б. В. Миллером В.А. Гордлевским, В.Ф. Минорским, хранящееся в архивных центрах России и Украины и других стран.

Фонд академика В. В. Бартольда в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф.68) включает письма к В. В. Бартольду от отечественных ученых из различных центров Российской империи, СССР и европейских корреспондентов с конца 1890 г. по 1920 г. Среди них выделяются известные востоковеды России – В. М. Алексеев, Е. Э Бертельс, Н. И. Веселовский, В. А. Жуковский, Ф. Е. Корш, И. Ю. Крачковский, С. Ф. Ольденбург, в том числе А. Е. Крымский. Среди европейских авторов имена выдающихся ученых – Брауна, Гибба, Гольдциера, Мюллера, Снук-Хюргронье и др. [2, с. 233].

К сожалению, на современном этапе появились только некоторые публикации, посвященные обработке, систематизации и публикации бесценного эпистолярного наследия выдающегося ученого и мыслителя В. В. Бартольда. В юбилейный год академика В. В. Бартольда авторы предлагают вниманию специалистов и читателей публикацию, посвященную профессиональным и личным связям отечественных востоковедов. В перспективе предстоит подготовить и опубликовать данную переписку выдающихся ученых и основоположников востоковедных школ России и Украины, академиков В. В. Бартольда и А. Е. Крымского.

В Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского сохранились письма известных российских востоковедов к А. Е. Крымскому — 3 письма В.Р. Розена (1903-1907 гг.); 4 письма П.К. Коковцева (1901-1909 гг.); 10 писем В.В. Бартольда (1908-1928 гг.) и 13 писем Ф.Е. Корша (1897-1914 гг.). Также в фондах библиотеки находятся письма к А. Е. Крымскому и других известных учёных – 35 писем В.Ф. Минорского, 5 – С.Ф. Ольденбурга, 5 – В.П. Бузескула, 3 — А.А. Шахматова, 20 — Т.Г. Кезмы, 17 — М.О. Агтаи, 37 — П.Н. Лозеева.

Неопубликованная переписка А.Е. Крымского и В. В. Бартольда имеет огромное историко-научное и культурное значение в истории российского и украинского востоковедения.

А.Е. Крымский в периоды жизни в Москве и Киеве проявлял огромный интерес к наследию и творчеству В. В. Бартольда. Этот профессиональный интерес был обоюдным и был продиктован их исследованиями в области арабо-мусульманской цивилизации. А. Е. Крымский изучал арабо-персидское и османское этнокультурное пространство, а В. В. Бартольд, особенно – историю и культуру Средней Азии. Их научно-исследовательское наследие было сфокусировано на средневековую историю и культуру народов Ближнего и Среднего Востока, историю ислама и их труды получили мировое признание.

Их личное знакомство, скорее всего, не состоялось в апреле и мае 1899 г., когда А.Е. Крымский приезжал в столицу империи и сдавал магистерский экзамен на Восточном факультете Петербургского университета. Тогда-то он и познакомился со многими известными петербургскими востоковедами, в число которых, не вошел В.В. Бартольд.

Совсем недавно найденном 10 письме (скорее всего и последнем) в фонде Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (далее — ИР НБУВ) в Киеве от 28 октября 1925 г. В. В. Бартольд, сообщая о поездке в Турцию, писал А. Е. Крымскому: «Проедем через Киев; остановится там не придется, так как, вероятно, будем ехать прямым поездом на Одессу, но, должно быть, поезд стоит в Киеве довольно долго. Если этот будут дневные часы, я на всякий случай напишу или телеграфирую Вам о времени нашего приезда, хотя, разумеется, отнюдь не хочу причинять Вам этим беспокойство; нисколько не буду в обиде, если более важные дела помешают Вам приехать на вокзал. Думаю, что мы бы друг друга узнали, хотя до сих пор только переписывались»[ИР НБУВ - ф. ХХХVI, д. 750. л.2 ].

В 1935 г. в одном из киевских писем, отправленных академику И. Ю. Крачковскому в связи со знакомством с его статьей в «Известиях АН СССР» (отд. обществ. наук. Л., 1934, № 1, с. 5 – 18) «В. В. Бартольд в истории исламоведения» писал: «Некролог Бартольда чрезвычайно удачен. Для меня было сюрпризом – увидеть, что, наконец, дозволено писать о нем и его заслугах. Здесь над ним тяготеет табу, Года три тому назад предложили мне прочитать о нем реферат с обличением его буржуазной, контрреволюционной сущности, а иначе – нельзя. Ясно, что я отказался от этого идиотского предложения; но мне тогда возразили, что и в Петербурге нет по Бартольду научных поминок ввиду его скверной идеологии. Ваш реферат датирован годом его смерти, а напечатан только теперь. Значит, произошла перемена в настроениях тех, кто делает погоду?» [3, с. 219].

В фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского хранятся 10 писем В.В. Бартольда, адресованных А.Е. Крымскому. В фондах Санкт-Петербургского Филиала архива Российской академии наук – 7 писем А.Е. Крымского В.В. Бартольду (СПб АРАН - ф. 68, оп. 2, д. 128), датируемые 1909 – 1928 гг. Они охватывают переломные годы в истории российского и украинского государств и, несомненно, в истории востоковедения российской империи и Советского Союза — с 1908 по 1928 годы. В целом выделяется эпистолярное наследие востоковедов дореволюционного и советского периодов.

В семи письмах А.Е. Крымского, хранящиеся в личном фонде академика в Санкт-Петербургском Архиве РАН, охватывают период с октября 1898 по август 1932 гг. Среди писем к Бартольду В.В. письмо от 14 октября 1925 г. написано под диктовку неустановленным лицом и письмо от 25 ноября 1925 г. – машинописное. В целом в текстах писем представлены английские, немецкие, французские, арабские, персидские и турецкие вставки и выражения.

По хронологии первое письмо принадлежит перу В.В. Бартольда, датированное 12-м декабря 1908 г. и носит профессиональный характер. Оно написано после получения экземпляра нового издания А.Е. Крымского «История Персии, её литературы и дервишеской теософии».

Первое сохранившееся письмо А. Е. Крымского В. В. Бартольду датировано 1 мартом 1909 г. Он пишет: «Многоуважаемый Василий Владимирович! После десяти дней болезни (малярия) первое письмо, за к[оторое] берусь, это – к Вам. Как я Вам признателен за «Туркестан»!<sup>8</sup> Очень, очень благодарю Вас за него. Но вместе с тем хочется позаботиться и о своих слушателях, к[оторые] часто желали бы приобрести эту книгу и не знают ее цены. По какой цене она могли бы быть высылаемы для наших студентов? [СПб АРАН - ф. 68, оп. 2, д. 128, л.1].

Письмо В. В. Бартольда А. Е. Крымскому (11 февраля 1909 г.) свидетельство продолжения не только обсуждения книги А. Е Крымского, но были затронуты и более общие проблемы востоковедной науки рубежа XIX – XX вв. В частности он писал: «Что касается Ваших книг, то я объясняю многие из их недостатков, помимо тех условий, в которых Вам приходится работать, и других причин, еще состоянием нашей науки. Я вполне признаю, что в этом отношении существует своего рода *circulus vitiosus* (порочный круг — *Авт.*): для сколько-нибудь отчетливого представления [о] деталях необходимы, особенно для студентов, общие курсы политической истории, между тем, пока не исследованы детали, невозможно сколько-нибудь ясное представление о целом и внесение причинной связи событий... Вы пишете, что вследствие излагаемых Вами причин Ваши работы «будут появляться лишь в минимально сносном виде», а не в том, в каком бы Вы хотели их видеть.

---

<sup>8</sup> Благодарность за присланную работу В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», ч.1. Тексты. – СПб., 1898; ч. 2. Исследование. – СПб., 1900.

Мне кажется, что не только Вы, но и никто другой не в состоянии написать теперь в два-три года (Ваши книги, если не ошибаюсь, пишутся гораздо быстрее) сколько-нибудь сносную книгу под заглавием: «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии». Для этого требуется труд целой жизни; о более высоких ступенях совершенства не приходится и мечтать» [ИР НБУВ, I 22665, л. 1–1об.].

В дальнейшем в небольшом письме 1913 года (12 октября) Агафангел Ефимович искренне поздравляет Василия Владимировича с избранием в академики Российской академии наук: «Сегодня прочитал в газете о Вашем избрании в Академию – и от души Вас поздравляю, или вернее – поздравляю Академию с приобретением такой крупной научной силы». И далее пишет и о деле: «Пользуюсь случаем напомнить Вам, Вы прежде имели по отношению ко мне очень приятную для меня привычку – присылать оттиски всех работ. Вы последнее время я от Вас ничего не получал, и напр[имер] не имею оттиска о сношениях Харуна с Карлом, равно как работ по Ани. Буду благодарен, если Вы меня вновь поместите в список тех, кому рассылаете оттиски и труды» [СПб АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 128, л. 2].

Особенно интересной является сохранившаяся корреспонденция 1922 года. Это два письма Бартольда (6 августа и 1 сентября) и письмо Крымского (19 августа), значительные по объёму и охватывающие многие волнующие научные и общественные вопросы начальных годов советской эпохи.

Прежде всего в этом блоке мы находим много интересных сведений о перипетиях в востоковедной науке того послереволюционного времени. Учёные обмениваются информацией о произошедших изменениях. Так, Бартольд пишет о кончине коллег: «Об условиях нашей здешней жизни Вы, вероятно, осведомлены, знаете и о наших последних потерях: смерти молодого арабиста И.П. Кузьмина, в котором мы надеялись получить первого русского специалиста по арабской философии» и смерти тюрколога и османиста В.Д. Смирнова (1846 – 1922) и его молодого ученика П.А. Фалева (1888 – 1922). Далее пишет «На некоторое время — надеюсь, ненадолго — против своей воли пришлось выбыть из нашей среды И.Ю. Крачковскому» [ИР НБУВ, ф. I, д. 22666, л. 2-2об.].

В ответ А.Е. Крымский писал: «Я с жадностью прочитал Ваши сообщения о жизни петербургских ориенталистов. Смерть Кузьмина, Фалева, Смирнова – все это для меня новость, грустная, жгуче скорбная новость. Жив ли Коковцев? Мне известно было лишь, что скончались Жуковский, Залеман, Тураев, Медников. Нет ли еще жертв смерти? Ужас охватывает при виде этого синодика».

В целом эпистолярное наследие А. Е. Крымского и особенно переписка с востоковедами-академиками полезны для современников в следующих аспектах. Во-первых, они являются автографами крупнейших российских востоковедов XIX – начала XX вв. Во-вторых, в этих письмах представлена научная и общественная позиция крупнейших востоковедов и личностей. В-третьих, здесь мы находим уникальную оценку состояния академического и университетского востоковедения, его арабистических, иранистических, тюркологических составляющих и роли ведущих отечественных ученых и мыслителей.

В-четвертых, в письмах особенно остро чувствуются личное настроение и позиция человека и ученого. В целом содержание переписки может послужить оригинальным материалом для научных биографий российских академиков-востоковедов и истории ориенталистики XIX – начала XX в.

Наш исследовательский проект и комплексное исследование ученых Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Киева с привлечением ряда зарубежных и российских коллег позволит изучить, систематизировать и подготовить к публикации неизвестное и неопубликованное эпистолярное наследие отечественных ориенталистов на рубеже эпох и особенно переписку российского и украинского арабиста, тюрколога, ираниста и слависта А. Е. Крымского с учителями и коллегами - В. Р. Розеном, Ф. Е. Коршем, В. А. Жуковским, С. Ф. Ольденбургом, В. В. Бартольдом, И. Ю. Крачковским, Н. А. Медниковым, П. К. Коковцовым, Б. В. Миллером, В. Ф. Минорским в 1890 – 1930-е гг.

**Приложение: Письма киевского периода А. Е. Крымского, написанные В. В. Бартольду (1922 г. и 1928 г.) и последнее письмо В. В. Бартольда А. Е. Крымскому (1925 г.).**

**№ 1. А.Е. Крымский – В. В. Бартольду [СПб АРАН - ф. 68, оп. 2, д. 128. Автограф, л.3 – 12 об.]**

Киев, 19 августа 1922 г.

Многоуважаемый Василий Владимирович!

Я получил Ваше письмо от 6.VIII, и оно меня несказанно огорчило. Упрек в ненависти ко всему русскому мне до крайности тяжел и обиден, п[отому] ч[то] я как раз принадлежу к тем украинцам, к[ото]рые **борятся** здесь, в Киеве, против всякой вражды к русским и русскому и получают здесь упреки в «русофильстве, доходящем до измены своему». Поколения, более молодые, чем я, готовы были бы меня даже вычеркнуть из украинских рядов, если бы, к сожалению, для них, этому не препятствовали два серьезных<sup>10</sup> обстоятельства, – одно, что нельзя Крымского вычеркнуть из истории украинской литературы, где он своею тридцатитрехлетней работою сыграл не последнюю роль, а другое – что Крымский – более **органический** украинец, чем многие из новейших, и что в деле знания украинского языка и стиля во всех его тонкостях эти самые сверх патриоты принуждены признать за Крымским самое авторитетное место. Во всяком случае, кислых слов по адресу моего «обрусительства» я слышу достаточно, а иногда принимаются методы, чтобы меня устранить в тех случаях, когда я оказываюсь «вреден».

---

<sup>9</sup> Слово подчеркнуто.

<sup>10</sup> Написано серьезные.

Самый свежий случай – такой. Украинская эмиграция в Праге и Вене собрала значительные суммы для Всеукраинской Академии наук, и, на собранные и собираемые деньги, посылают продукты и вещи сюда, в Киев, так как сотрудники Всеукр [аинской] Акад[емии] наук на две трети русские, то я, стоя во главе распределительной комиссии, не считал возможным исключать их из равного<sup>11</sup> раздела. Две недели тому назад последовало от присылателей распоряжение (вызванное, конечно, доносом «патриотов» из Киева), чтобы во главе распределительной комиссии стал брат Грушевского, а не я, и чтобы я вообще не принимал участия в разделе. Самая<sup>12</sup> Академия наук, где я состою секретарем, является для определенной кучки людей «обрусительной», антипатриотической и т.п. В церковных делах я, хотя состою верным сыном украинской автокефальной церкви, прилагаю все усилия, чтобы исчезла рознь между нею и церковью славянско-патриаршею и чтобы обе они примирились и воссоединились; мои дружественные сношения с «тихонианцами» (епископами патриарха Тихона)<sup>13</sup> мне тоже ставятся шовинистами в вину. Лекций я не желаю читать, читаю **только две**, и так как наиболее интересующиеся слушатели оказываются не украинцами, а евреями, татарами, караимами и греками, то я эти два часа читаю **по-русски** (отчасти и для того, чтобы не забыть русского языка, на к[ото]ром мне тут почти не приходится говорить вот уже пятый год): и в начале каждого года я со стороны украинских студентов принужден выслушивать массу неприятных комплиментов по этому поводу и требование перейти на государственный язык Украинской Республики или, как тоже говорится, на «язык трудящихся масс украинского народа». Думаю, даже из вышеприведенных фактов Вы могли бы прийти к выводу, что вражда к русскому чужда мне.

Вместо того, Вы из чтения моей книжки вынесли заключение, что у меня есть ненависть ко всему русскому! Боюсь, многоуважаемый Василий Владимирович, что, если все русские будут, подобно Вам, с предубеждением вычитывать из каждого украинского слова то, чего, не думал говорить<sup>14</sup> автор, то в результате действительно может между украинцами и русскими за зиять пропасть, к[ото]рую потом трудно будет уже засыпать. Не стану отрицать, есть среди украинцев шовинисты, особенно среди молодежи (пять лет существования украинских гимназий привели к тому, что есть уже два курса студентов, для к[ото]рых русский язык есть язык **чужой**, знакомый и понятный лишь в такой самой степени, как, напр[имер], польский), но тем тщательнее и терпимее следует представителям старших (или, как мы с Вами, старых) поколений соблюдать в отношении друг к другу то доверие, к[ото]рое одно лишь и может устранить обострения в отношениях и развитие шовинизма.

Вы мне пишете, что моя книжка **проникнута** (!) ненавистью к русскому, а точнее указываете стр. 227 и, как особенно ненавистническую, стр. 8.

---

<sup>11</sup> Слово вставлено в письме.

<sup>12</sup> Так написано.

<sup>13</sup> Данные слова вставлены в письме.

<sup>14</sup> Слово вставлено.



Что касается стр. 227, где я высказываю сожаление, что рукопись – автограф Джамиа, по–видимому, пропала при перевозке библи[отеки] М.И.Д. в советскую столицу Москву, то я абсолютно не могу додуматься, путем какой ассоциации идей можно усмотреть в моих словах что-то антирусское. Сведения о пропаже рукописи дано мне Ф. Н. Петровым, к[ото]рый был откомандирован из Москвы в Киев на весну и лето 1919 г. Он мне рассказал о разгроме «драгомании», о трагической смерти Вал[ентина] Ал[ексеевича] Жуковского<sup>15</sup> и о перевозке библиотеки из СПб. в Москву. Перевозкою заведовал он и еще какой-то коммунист, не то Вознесенский, не то Воскресенский. Свалили они ящики в разные амбары (в Кокоревском подворье и еще где-то), и Петров вскоре убедился, что нек[ото]рые ящики пропали. Проверка выяснила ему, что не хватает и того ящика, где находился автограф Джамиа. В краже он подозревал определенные личности, чуть ли не Воскресенского. На основании этих слов Петрова я сделал свое сожалительное примечание. При чем здесь русскость? Разве русский народ может отвечать за кражу, совершаемую одним или несколькими нечестными людьми? С нек[ото]рой натяжкой можно было бы понять мои слова как упрек Советскому правительству, не сумевшему организовать перевозку ценностей. Но и в этом случае разве можно усмотреть мою ненависть к русским? Порицать правительство вовсе не значит порицать народ. К тому же, как Вам известно, наиболее махровые русские националисты отказываются даже признавать Сов[етское] правительство за представителей русского народа.

На стр. 8 у меня сказано про вандальское хищничество «московской солдатни», против к[ото]рого приняла меры «Российская Академия наук». Не будь у Вас предубеждения, Вы должны были бы обратить внимание на форму «солдатня», – не «солдаты», а именно «солдатня», т. е. разнуздавшаяся сольдатеcka<sup>16</sup>. Заклеймить поступки сольдатеcka какого бы то ни было народа не значит хулить самый народ. Я преклоняюсь пред немецкой культурой, пред немецкой наукой, без к[ото]рой я не мыслю своего собственного «я», я питаю исконную, глубочайшую симпатию к немцам, но я не задумаюсь с омерзением упомянуть о поступках немецкой «солдатни». Сольдатеcka – везде сольдатеcka, и «московская» не лучше и не хуже других; наряду с тем у меня упомянута «Російська<sup>17</sup> Академия наук» как культурный светоч, спасающий культурные ценности. Почему же Вы не захотели обратить внимания на мое подчеркивание заслуг «російської» Академии наук? Русофоб не стал бы о ней упоминать. Польские писатели, когда хотят процитировать русскую мысль, избегают называть русское имя, а пишут: «какой – то автор сказал».

<sup>15</sup> Жуковский, Валентин Алексеевич (1858 – 1918) – востоковед. Выпускник факультета восточных языков (ФВЯ) СПбГУ (1880). Преподавал персидский язык в ФВЯ в СПбГУ (1886 – 1917). Начальник учебного отделения восточных языков МИД (1905 – 1917).

<sup>16</sup> Так написано в письме.

<sup>17</sup> Так написано в письме.

Кроме того, Вы и **не поняли** данного места, потому что нехорошо знаете украинский язык и его оттенки. Термин «русский» передается по-украински **не** через «руський» (в украинском языке слово «руський» есть синоним для слова «український», именно для западно-украинской ветви, иначе русинской). Для передачи термина «русский» мы имеем свой термин: «російський» (напр., «російсько мово»=русский язык), а для передачи русского слова «**россійский**» нам остается термин: «**московский**»<sup>18</sup>.

Удачна ли эта терминология или нет, иной вопрос; но надо считаться с тем, что исторически установилась именно она (вероятно, не без польского влияния, потому что в польском языке термины: *ruski*, *rosyjski* и *moskiewski* выражают те же оттенки). Таким образом, «московська солдатня» значит: «солдатека **российская**, в состав к[ото]рой могут входить и русские, и украинцы, и армяне, и татары и пр. Применить к ним **всем** термин «московська» уместно было еще и потому, что дело свершалось на востоке, где всех нас называли «московами». Вы и сами верно поместили, что на стр.8 – 9 я под «московською солдатнею» понимаю и украинцев (их и на деле в Трапезунте едва ли не больше). Но Вы не заметили, что ведь и **самого себя** я отнес к «московам»! (стр.5). В других своих беллетристических произведениях, говорящих о востоке, я определенно титурую себя «московом» (см., напр., стр. 311 – 312 в моих «Бейрудських оповіданнів»<sup>19</sup> по последнему изданию 1919 г.). Ясно, что украинский читатель (а украинские книжки предназначаются, в первой линии, для читателя украинского) ни в каком случае не усмотрит в моем стихотворном цикле «В Трапезунті» 20 антирусских выходов, что же касается читателей неукраинцев, то тоже ясно: прежде чем делать обидные заключения для автора, они должны иметь уверенность, что **правильно** поняли украинский текст. Не то, можно дойти и до самых неожиданных выводов.

<sup>18</sup> Здесь и далее А. Е. Крымский пишет вставки в конце листа письма. «Правда, для русского слова «московський» приходится пользоваться по-украински тоже словом «московський», – отчего, конечно, возможна кое-какая сбивчивость».

<sup>19</sup> Впервые художественное произведение «Бейрутські оповідання» было напечатано в журнале «Нова громада» (1906, № 6, с. 1–23; № 7, с. 28–52; № 8, с. 1–26).

<sup>20</sup> Поэтическая книга А. Е. Крымского «Пальмове гілля. Екзотичні поезії» («Пальмовые ветви» ч. III (1917 – 1920), изданная в Киеве в 1922 г. открывалась циклом «В Трапезунті». Первое стихотворение данного цикла называлось «Високо-високо над Трапезундом». В книге были представлены переводы персидской поэзии на украинский язык. Название данного цикла было связано с пребыванием А. Е. Крымского в Трапезунде (современный город Турции Трабзон) летом 1917 г., где он по поручению Академии наук занимался изучением письменных памятников в мечетях и монастырях города занятого русской армией в период Первой Мировой войны. А.Е. Крымский поэтические циклы «Пальмове гілля» («Пальмовые ветви») в ч. 1 – 3 издал в 1901 – 1922 гг. ; ч. 1 (1898 – 1901) издана во Львове, ч. 2 (1903 – 1908) опубликована в Киеве в 1908 г. и ч.3 (1917 – 1920) – в Киеве в 1922 г. В 1923 г. в Киеве была переиздана «Пальмове гілля. Екзотичні поезії. Ч. 1 (1898–1901) и Ч. 2 (1903–1908). Также в 1918 г. А. Е. Крымский опубликовал художественное произведение «В Трапезунді. Спомини з літа 1917 р.» в журнале «Шлях» (1918, № 12, с. 34–43).

Если Вы, читая мои украинские переводы Хафиза, будете понимать украинские<sup>21</sup> слова в их русском значении, то Вам придется, напр., сказать, будто я утверждаю, что Хафиз наслаждался харями (по— украински «роза» называется «рожа») и что он любил уродливых (по— украински «уродливый» значит «красивый» и «пригожий»).

Повторяю, однако: даже при Вашем понимании слова «московский» в его русском значении нельзя было бы усмотреть вражды к **русским** в возмущенном отзыве о подвигах их **разнузданной сольдатеки**, если бы отзыв этот был читаем без **предвзятого** мнения о враждебности всего украинского к русскому. И это тяжело знать. Я принадлежу к тому поколению украинцев, для к[ото]рых слово «русская наука» не есть еще пустой звук и к[ото]рые его произносят с иным чувством, чем, напр., «польская наука» и «чешская наука». **Покамест**, вся сила на Украине находится в руках нашего поколения: врачи русские – или моложе нас, или эмигрировали за границу, где заполнили собою Прагу, Вену, Берлин и т.п. Но время бежит, и будущее чревато последствиями. Наступит день, когда на родину вернется и старшая эмиграция, и младшая, воспитывающаяся теперь в заграничных школах, иностранных ли, украинских ли (как Вы будете знать, что в Праге есть **очень хорошо** поставленный украинский университет, и есть высшие украинские школы и в других местах заграницы). С нею, (эмиграцией)<sup>22</sup>, пойдет купно современное младшее поколение Украины, уже стряхнувшее с себя всякую русскость. И удастся ли тогда нам, старшему поколению, сберечь свои позиции? Не будет ли нам говорить с иронической усмешкой: «О какой общности с русскими может быть речь, когда **даже Крымский**, с его московской примирительностью, представляется для них недопустимым врагом»? Подобное говорится и теперь. И теперь младшие украинцы твердо убеждены, что русские могут примириться только на полнейшее подавление украинского слова и что соглашатели, только типа как Крымский, Ефремов, Вернадский, – это близорукие мечтатели, не желающие видеть подлинного, **безнадежного**<sup>23</sup>, нетерпимого лица русской интеллигенции. Покамест мы отрицаем такие утверждения, и опровергать наш оптимизм трудновато, потому что о жизни Петербурга и Москвы Киев почти не имеет никакого представления, сношения – затруднены, печать никакая не доходит, кроме казенной (неказенных газет, вероятно, ведь и нет в Петербурге и Москве, как нет неказенных газет и в Киеве). Но когда, наконец, жизнь войдет в норму и вяспать, всякие субъективные утверждения и отрицания потеряют силу убедительности. Будут просто говорить: «А прочитайте-ка такой-то № московской газеты! Прочитайте-ка такой-то журнал, прочитайте-ка такую-то московскую книгу». И не столкнут ли тогда нас на основании **фактов**, даваемых русскою интеллигенцией? И не скажут ли нам, сталкивая нас, как отживший себя устарелый хлам: «Они не понимают, что с русскими нет почвы для соглашения.

<sup>21</sup> Слово вставлено в письме.

<sup>22</sup> Слово вставлено.

<sup>23</sup> Слово вставлено.

Один раз Россию до политического развала довели слепая национальная<sup>24</sup> нетерпимость ее правительства, [в] другой раз до культурного развала доводит слепая национальная нетерпимость ее интеллигенции».

И будет сия последняя горше [прежних].

Я очень редко пишу письма, кроме коротеньких – сухих, чисто делового содержания. На нынешний раз я изменил своему обычаю и ответил на Ваше письмо целым посланием. Накипело на душе. Притом Ваше письмо – первый голос, к[ото]рый дошел до меня извне. Мы ведь, повторяю, гораздо хуже знаем духовную жизнь Петербурга, чем напр., Праги, Вены, Львова. Крайне короткое прошлогоднее письмо И. Ю. Крачковского я не беру в счет: в нем, кроме делового сообщения на один мой запрос, ничего не было.

На прочие подробности Вашего письма я отвечать не буду, за исключением еще одного пункта. Вы думаете, что лучше было бы украинцам держаться общерусского языка и ограничиться областью диалектической [поэзии]. Конечно, никому не возбраняется думать, как он хочет: *die gedanken sind zollfrei*<sup>25</sup>, и ничего обидного в Вашем мнении ни для кого нет. Но уверяю Вас, оно теперь<sup>26</sup> просто поражает своим колоссальным несоответствием с фактами действительности. После того как на украинском языке идет работа в 12 университетах<sup>27</sup>, после того как этот язык обильно проявляет себя в науке, в общественно-политической жизни, в юридических отношениях, в законодательстве, администрации и т.п., думать так, как Вы, это значит *hercher midi a quatorze heures*. И я, без тени огорчения, а только с изумлением, прочитал Ваше мнение. Что ж!

«Движенья нет!» – сказал мудрец великий.

Другой смолчал – и стал пред ним ходить.

(Пушкин).

Я с жадностью прочитал Ваши сообщения о жизни петербургских ориенталистов. Смерть Кузьмина, Фалева, Смирнова – все это для меня новость, грустная, жгуче скорбная новость. Жив ли Коковцев? Мне известно было лишь, что скончались Жуковский, Залеман, Тураев, Медников<sup>28</sup>. Нет ли еще жертв смерти? Ужас охватывает при виде этого синодика.

Вы пишете: «Пришлось выбыть из нашей среды, против своей воли, И. Ю. Крачковскому». Что это значит? Где же он?

---

<sup>24</sup> Слово вставлено.

<sup>25</sup> Лат.: Мысли пошлинами не облагаются.

<sup>26</sup> Слово вставлено.

<sup>27</sup> Также вставка А. Е. Крымского в конце текста на листе. Научную **качественность** большей части этих, захолустных у[ниверсите]тов я оставляю в стороне: для судьбы укр[аинского] языка это значения не имеет, потому что у[ниверсите]тские предметы остаются университетскими независимо от личной квалификации лектора.

<sup>28</sup> Слово вставлено.

Благодарю Вас за присылку оттисков «Из истории турок» и «Вост[очных] рукописей». Но **не получены** тома XXIV и XXV «Записок Вост[очного] отдел[ения]». По какому адресу они были отправлены? Их неполучение очень и очень мне неприятно. С такой жадностью ловишь каждую, даже мелкую новинку из области востоковедения, а тут на тебе! Пропало целых два тома! Очень прошу Вас дать точные указания, по к[ото]рым я мог бы эти тома разыскать. В крайнем случае, я просил бы передать эти тома через какое-либо лицо, едущее в Киев. На днях поедут в Петербург из Киева Міяковский и Новицкий. Я их направлю к Вам.

Вышел ли в свет VI том **ибн-Мискавейга**? Он мне до крайности нужен, а я не могу о нем получить никаких сведений.

Положение востоковедения в Киеве таково: Для учебных целей был основан весной 1918 года «Институт восточных языков», к[ото]рый вскоре же обогатился англо-саксонским отделением и, после разных переименований, остановился наконец на наиболее длительном имени: «Институт для внешних сношений», с отделениями восточным и англо-саксонским. Языки, включенные в восточное отделение, это не только арабский, персидский и турецкий, но и балканские: румынский, новогреческий, болгарский, сербский. Как раз балканские языки лучше и были представлены: румынский – преподаватель Гроссу (проф. б. Киев[ской] дух[овной] академии), новогреческий – И. И. Соколов (проф. СПб. дух. академии), болгарский – Дринов, сербский – Стоянович, арабский язык читает Т. Г. Кезма<sup>29</sup> из Назарета. Он окончил Киев[скую] дух[овную] академию, очень хорошо говорит по-русски и прекрасно знает классич[еский] араб. язык (во много раз лучше тех арабов, к[ото]рые попадают в Россию). Как педагог, он, однако, мягок и вял. Персид[скому] языку не везет. Метеорами мелькают имена: Мирза Джафар (из Лазар. инст.), Ф. Н. Петров (из СПб.), П. Н. Лозиев (оставленный по персид[ской] кафедре при Лазар. институте), но все они не могут привиться, и в нынешнем году персид[ская] кафедра вакантна. Турецкий язык сперва читался Вл. Щербиною (российским консулом из Малой Азии), потом перешел в ведение Т. Г. Кезмы, к[ото]рый говорит по-турецки бегло, но с типичным арабским выговором. Историю и историю литературы и этнографию<sup>30</sup> каждой немусульманской народности читают профессора историко-филол[огического] факультета Киев[ского] у[ниверсите]та (между прочим, историю балканских славян читал Т. И. Флоринский, пока его не расстреляла Чека). Я читаю попеременно – один год историю Сасанидов, Мохаммеда и халифата, другой год – историю Турции; в обоих курсах литературе дается превалирующее место. Курс мой посещают и студенты ист[орико] фил[ологического] факультета **университета**, и с ними – то у меня ежегодно и происходят объяснения по поводу языка преподавания: они никак не могут понять, почему я читаю по-русски, тогда как и мне легче было бы читать по-украински, и им приятно было бы слушать по-украински. «Институт внешних сношений» остался неукраинизированным, потому что большей частью он не содержался на казенные средства; но вообще никому не возбраняется читать на том языке, на каком он сочтет нужным.

<sup>29</sup>Наверху русской фамилии написана на арабском языке كزما (kazma).

<sup>30</sup> Слово вставлено.

С нынешнего, 1922 г. правительство меня запрягает в более сильную педагогическую деятельность, чем та, в к[ото]рой я обретался до сих пор. Создана в Киеве «исследовательская кафедра «языковедения», и во главе принудили стать меня, а вместе с тем мне поручено взять в свои руки трех т.н. «аспирантов» (т.е. профессорских стипендиатов) и передать им свои лингвистические знания. Я наметил двух из числа наилучше окончивших Лазар. институт для персидского языка и словесности, они переедут сюда, в Киев, и будут материально обеспечены. Для турецкого языка я наметил одного из кандидатов филологов<sup>31</sup> Киев. у[ниверсите]та, очень талантливог<sup>32</sup> галичанина Демянчука. Кроме того, намерен солидно взяться за турецкий язык ученик покойного Шахматова и Щербы – Ганцов. Эти трое (вернее, четверо) «аспирантов» будут образовывать собою т.н. «восточный семинарий». Не скажу, чтобы я охотно брал на себя руководство ими (четыре года я блаженствовал, почти лишенный преподавательских обязанностей), но уклоняться нет уж никакой возможности, и занятия начнутся с сентября.

Так обстоит дело с подготовкою востоковедов. С востоковедными **библиотеками** положение сложилось много благоприятнее, чем можно было бы ждать.

Прежде всего огромным сюрпризом для меня было то, что в библиотеке **Киевского у[ниверсите]та** за девяносто лет его существования составилась подбор сочинений и изданий по востоку далеко не бедный. Есть комплекты востоковедных журналов (среди них JRAS полон, тогда как в Лазар. институте он начинался только с 1900 г.), есть все издания европ[ейских] академий с востоковед[ными] частями, есть европ[ейские] переводы историков и географов (следовательно, чаще всего с вост[очными]<sup>33</sup> текстами, напр. Масудий), есть общие сочинения по восточным литературам (в том числе даже грузная Lit. Gesch. der Araber Гаммера), и, в особенности, обещает много приятных неожиданностей история Турции.

При Всеукраин[ской] Академии наук создалась колоссальная **«Всенародная библиотека»** (приблизит. 1200000 тт.), и один из ее отделов обособлен: Orientalia. Это преимущественно отдел еврейский, и заведует<sup>34</sup> им проф.-гебраист б[ывшей] дух[овной] академии Иваницкий. Главную ценность составляют тут многочисленные старопечатные евр[ейские] издания и рукописи. Мусульмановедных книг тут мало, п. ч. они систематически поступают в ведаемый мною **«Кабинет арабо-иранской филологии»**. В основу его легла пожертвованная мною Академии наук моя очень большая библиотека и, преимущественно лишь арабская биб[лиотека] Израэльского, к[ото]рую он нам продал, (он – воспитанник СПб. вост[очного] фак[ультета], а печатные труды его – все гебраистические). Сверх того открылось, что в Киеве и, особенно, на Киевщине существовал ряд тихих, никому не известных любителей восточных языков; иные из них давно уже умерли.

<sup>31</sup> Слово вставлено.

<sup>32</sup> Слова вставлены.

<sup>33</sup> Слово вставлено.

<sup>34</sup> В письме написано заведывает, украинизм.

Их библиотеки (в том числе комплект *Journal Asiatique*, начиная с самых первых его тетрадей) приобретены тоже для «Кабинета ар[або] ир[анской] филологии»<sup>35</sup>). Кроме того, различные правительственные книжные учреждения («Книжная секция Наркомпроса», «Книжный фонд» и т.п.) и множество поставленных мною нарочитых<sup>36</sup> агентов свезли ко мне между прочим из провинции<sup>37</sup> все, что имеет хоть намек на отношение к востоку, к его этнографии, географии и т.п. Покамест эта библиотека теснится в пяти комнатах и расставлена в шкафах по отделам, но еще не закаталогизирована, потому что я поджидаю перевозки из г. Звенигородки Киев. губ. остальной части моей (незаурядной) библиотеки. Пользоваться, во всяком случае, ею и без каталога<sup>38</sup> легко. Очень хорош в ней отдел востоковедных изданий XVI – XVII в., благодарный материал для тогдашней<sup>39</sup> истории Турции и Персии, да и для предыдущих веков иные редкие издания есть в дублетах, напр. базельское собрание путешествий 1532 г. (где из новейших имеется текст Л. Вартемы, а из более старых – Гойтон, Марко Поло и пр.). То, что относится к польско-турецким делам, попадает в триплетах. Со временем можно будет устроить обмен дублетами с Петербургом. Слабая сторона этой библиотеки – почти полное отсутствие заграничных изданий последних восьми лет. Иногда оказываются самые свежие новинки из далекой Америки (напр., *Journal of Semit. Philology* даже за 1922 г.), и в то же время никак не могу раздобыть *ZDMG* <sup>40</sup> за последние годы! Устроен и отдел **рукописей**, но покамест лишь есть [лишь] несколько десятков. Пожертвованы они преимущественно<sup>41</sup> теми людьми, к[ото]рые вывезли их с турецкого фронта (а часть нашлась в здешних старых библиотеках, иногда на чердаках<sup>42</sup>). Нек[ото]рые, безусловно, похищены из мечетей, напр. «Шярх масабih» 850-1446 г. или «Тафсир анвар ам-манзиль» Бейдавия 982 - 1574 г. Прибавить нужно, конечно, рукописи бывшей моей коллекции. Одну из них - именно путешествие патриарха Макария, имеющее нек[ото]рые отличия от того текста, к[ото]рый переведен Муркосом<sup>43</sup>, перевел по заказу Академии наук Т. Г. Кезма<sup>44</sup> на русский язык; перевод поставлен на полку рядом с арабской рукописью.

<sup>35</sup> Также вставка А. Е. Крымского в конце листа письма. «Не могу не отметить, что среди книг немало есть носящие посвятительные авторские надписи к покойному Гиргасу (напр., труды Мерена). Я их купил у букинистов.

<sup>36</sup> Слово вставлено.

<sup>37</sup> Эта фраза вставлена над предложением.

<sup>38</sup> Эти два слова вставлены.

<sup>39</sup> Слово вставлено.

<sup>40</sup> *ZDMG* – известный немецкий востоковедческий журнал «*Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft*», который издавался в Лейпциге.

<sup>41</sup> Слово вставлено.

<sup>42</sup> Данное предложение в кавычках вставлено.

<sup>43</sup> Муркос, Георгий Абрамович (1846 – 1911) – российский арабист, араб по происхождению, профессор Специальных классов Лазаревского института восточных языков (ЛИВЯ). Выпускник Петербургской духовной академии и факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.

<sup>44</sup> Кезма, Тауфик Гаврилович (1882 – 1958) – украинский арабист, палестинец по происхождению. Выпускник Киевской духовной семинарии и академии, преподавал в учебных заведениях Киева и был сотрудником кабинета арабо-иранской филологии Всеукраинской Академии наук.

Созданием такой библиотеки в Киеве я могу, безусловно, гордиться. Конечно, в ближайшие годы она послужит главным образом только для меня (араб Кезма имеет свою специальность только классич[еский] араб[ский] язык, именно его «nahw», да еще восточную<sup>45</sup> нумизматику, курс которой он начал читать в университете еще лет десять тому назад, а Эйзаров довольствуется своей собственной библиотекой и теми познаниями по восточным языкам, к[ото]рые он носит с детских лет в своей собственной голове. К тому же его новейшие работы по обычному праву восточных народов свидетельствуют о его полном пренебрежении к научной филологии в европейско-востоковедном смысле<sup>46</sup> и видно, что созданная мною библиотека едва ли ему когда-н[ибудь] понадобится. Но утешаю себя мыслью, что раньше или позже Киев (или, как Вы бы, вероятно, сказали охотнее: «наш юг») должен будет развить востоковедение в полном объеме, и академическая библиотека, не переставая обогащаться новыми притоками, окажется очень кстати.

Лично для меня условия работы тут в высшей степени благоприятны. Преподавательскую деятельность я с себя почти снял. Органическое мое отвращение ко всякой политике, партийности и даже к общественной деятельности, если она не касается науки в самом точном смысле, спасло меня от той потери времени, к[ото]рую все теперь испытывают в новом строительстве. Резкие смены правительств в Киеве (в течение пяти лет революции Киев испытал 17 политических переворотов!), кровавые расправы, к[ото]рые всегда при этом происходили, меня не касались: все правительства признавали меня за аполитичного, и все со мною обращались хорошо и не мешали работать. Единственное исключение было во время польско-петлюровского господства в Киеве в мае-июне 1920 г.: тогда власти меня арестовали, водили под вооруженным конвоем по наиболее людным улицам Киева и приговаривали к расстрелу, тщась доказать, что я большевик. Но и эта неприятность тянулась только три дня (она положим сделала меня седым), - и в конце концов я был освобожден и оставлен в покое. Таким образом, мною за время пребывания в Киеве очень много сделано, а так как теперь открывается возможность печатать, то готовые мои работы не залежатся.

Прежде всего, я dokonчил начатую мною в Москве большую работу про Абу Теммама, «Хамасу», «Диван Гозейлитов» и «Агани». Рукопись переписана на машинке начисто (несколько сот страниц). Писана работа по-русски и по-русски же будет печататься.

Закончено мною две больших работы: а) «Хафиз» и б) «Джамий». Обильный библиографич[еский] материал был для них собран в течение многих лет раньше, и теперь я написал самое исследование. Много труда доставил мне **Хафиз**, п. ч. пришлось распутывать ту грубую путаницу к[ото]рая водворилась в европейской науке. Нелепо невежественного Судия пришлось проштудировать от доски до доски, чтобы детально обличить его (Кстати сказать: даже как филолога я не решаюсь ставить Судия высоко).

---

<sup>45</sup> Слово вставлено.

<sup>46</sup> Вставка А. Е. Крымского. «Лично он себя мнит первоклассным филологом с европейским именем (в виду имеются, конечно, его работы о курдах).



Первые главы моей работы о Хафизе, как имеющие *и для более*<sup>47</sup> широкой публики интерес) я уже<sup>48</sup> сдал в типографию для напечатания во II и III книжках акад[емических] «Записок ист[орико] фил[ологического] отд[еления]», из них будет сделан оттиск, к к[ото]рому отдельно будут допечатаны более специальные материалы. Разумеется, я Вам не замедлю его прислать.

Наличность португальских и иных путешествий XVI – XVII в. *в их старопечатных оригиналах*<sup>49</sup> соблазнили меня написать историю Персии XVII в.; [Товвеа?] послужил для меня одним из основных проводников, но разумеется, использовал я и более поздние, таких как Дю Манн и Шарден. Включил я сюда и отношения Персии с **Московией**, а потому отдал свою рукопись для перевода на русский язык. Возможно, что сперва напечатаю по- русски .

Очень много времени занял у меня очерк истории Персии IX – X в. Почти два года я усердно проверял строка за строкою все арабские источники, чтобы сообщение каждого факта базировалось на точной ссылке и чтобы не была упущена ни одна сколько- н[ибудь] интересная **культурно-бытовая** черта. Правда, при обработке изложения пришлось значительную часть подобранного материала пожертвовать и использовать его лишь т[ак] ск[азать] «прегнантно», в таком виде, что указание понятно будет лишь тому, кто сам читал первоисточники; но все же общий характер изложения, культурно- бытовой, остался сохранным. Напечатал я 8 печ[атных] листов, т.е. 128 стр., но затем остановился, потому что даже до Бовейгидов одно очень смутное указание, полученное мною из Праги, гласит, что, **кажется**, выпущен в свет VI – й т. ибн Мискавейга. Это сообщение и заставило меня приостановить печатание, чтобы в главах о Бовейгидах был использован и ибн Мискавейг (у меня есть только т. V). Но вот уже четыре месяца тщетно навожу справки: или мои письма не доходят в Англию и Голландию, или письма из тех двух стран не доходят до меня. И я не имею до сих пор не только VI-го т. ибн- Мискавейга, но даже не имею подтверждения, вышел ли он в свет. Сделаете мне большое одолжение, если дадите по тому поводу точную информацию. А отпечатанные 8 лл. я скажу сброшировать в 1 – 2 экземплярах и пришлю Вам и еще кому-н[ибудь] из петербуржцев. *«Пальмове гилля»*<sup>50</sup> – у Вас в руках. Оно у меня времени не отняло: *писалось между делом*<sup>51</sup>.

Вот главное, что у нас в Киеве сделано в области востоковедения. На этом и кончу свое длинное письмо (сегодня праздник Спаса, и я имел полную возможность не выходить из дому совершенно и отдать часа три на написание этого письма). Хотел бы переслать через Вас привет Крачковскому, но из Вашего письма выходит, что его нет в Петербурге. Повторяю свою просьбу: сообщите мне, что случилось с ним. Кто же теперь представитель арабистики в СПб.? В чьих руках ирановедение?

<sup>47</sup> Фраза вставлена.

<sup>48</sup> Слово вставлено.

<sup>49</sup> Фраза вставлена.

<sup>50</sup> Известные поэтические книги А. Е. Крымского, которые состоят из трех частей и включают переводы на украинский язык произведений восточной и западной поэзии. Первая часть (1898 – 1901 гг.) впервые была опубликована во Львове в 1901 г.; вторая часть (1903 – 1908 гг.) издана в Киеве в 1908 г. и третья часть (1917 – 1920 гг.) – опубликована в Киеве в 1922 г.

<sup>51</sup> Эта вставка написана над предложением более черным чернилом.

Судя по тому тому Melanges Asiatiques, к[ото]рый переслала нам Росс[ийская] Ак[адемия] н[аук], должен быть в Петербурге Иванов. Тесно ли он связан с наукой или занимает должность библиотекаря? Мы здесь вообще почти ничего точного<sup>52</sup> не знаем о Петербурге, а о востоковедении – тем паче. Высланные Вами XXIV и XXV тт. «ЗВО»<sup>53</sup> были бы здесь кладом, если бы дошли. Вновь повторяю просьбу сообщить, по какому адресу Вы их отправили и через кого. Единственный, кто еще не вернулся из командировки в СПб., это Щербаковский, - не через него ли?

Искренне преданный Вам А. Крымский (см. оборот).  
20 августа.

Сегодня получил от Вас отчет о поездке в Туркестан 1920 г. Вы не представите, с каким огромным интересом, и с какой жадностью прочитал я его. Все здесь было для меня откровением. Искреннейшее спасибо!

Вместе с тем у меня явилась мысль, что вероятно, такой же интерес могут иметь сообщения и о ориенталистических делах в Киеве для тех, кто совсем не знает, что здесь творится...<sup>54</sup> Поэтому <...> мое письмо (в его второй востоковедной<sup>55</sup> половине для печати, сделавши, разумеется, соответствующие пропуски, напр., смягчивши мой отзыв о вялости Кезмы, о нефилологичности Эгiazарова (мнящего себя, прежде всего, филологом) и т.п.

**№ 2. В. В. Бартольд - А. Е. Крымскому. [ИР НБУВ. ф. XXXVI, д. 750.**

*л.1-2]*

28.X.25.

Акад[емия] наук

Многоуважаемый

Агафангел Ефимович!

Благодарю Вас за письмо от 17 окт[ября] и за сочувственный отзыв о моих бакинских лекциях<sup>56</sup>. В общем, я сохранил о Баку хорошие воспоминания, и отношения со всеми, с кем мне там приходилось встречаться, у меня были хорошие, теперь же будут несколько хуже, после моего отказа, сначала голословного, после настойчивого приглашения, подробно мотивированного, приехать в Баку в декабре на предполагаемый «тюркологический» съезд.

---

<sup>52</sup> Слово вставлено.

<sup>53</sup> Журнал «Записки восточного отделения».

<sup>54</sup> Далее предложение текста не читается.

<sup>55</sup> Слово вставлено.

<sup>56</sup> Академик В. В. Бартольд ездил по приглашению для чтения лекций в университет в Баку (1924 г.). Его курс лекций «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира», прочитанный в Азербайджанском государственном университете был издан в Баку в 1925 г.

В свое время мы с Самойловичем по мере сил содействовали осуществлению съезда, но получилось совсем другое, чем мы ожидали: приглашены многие османские ученые, среди них и совершенно не усвоившие европейских научных требований, приглашен и путешественник-рекламист Свен Редин<sup>57</sup>, наконец, last not least<sup>58</sup>, на съезде, с ногами на стол, расположились «ассоциация» и ее пресловутый председатель Павлович<sup>59</sup>. Очень характерно тоже, что среди имен приглашенных совсем нет Вашего имени, хотя есть имя Вашего ученика (и насколько я понял из разговоров с ним, поклонника) Гордлевского<sup>60</sup>. Получил уже программу съезда; на первом листе поставлен доклад Агамали Оглы<sup>61</sup> и Ольденбурга «Туркология в настоящем и пути ее дальнейшего развития». Конечно, такая тема выставлена без ведома Ольденбурга<sup>62</sup>, который едва ли возьмется рассуждать о «путях развития» туркологии. Впрочем, это – его дело. А что в Киеве есть ученый, несколько поработавший в области туркологии, об этом, по видимому, забыли.

Очень сочувствую Вам в тех нападках, которым Вы подвергаетесь, хотя это теперь явление довольно обычное, интриг и у нас много, и у нас труднее всего тем, кто в глазах одних идет слишком далеко, в глазах других – недостаточно далеко. Украинство, может быть, развивалось бы спокойнее и нормальнее, если бы в нем не было столько искусственного, по крайней мере, в городах России (Львов и т. п., конечно, другое дело). Вы пишете, что у Вас в Киеве мало практики в русском языке; тоже самое говорил здесь приезжий из Украины, ученый, выступавший у нас с докладом; а один из моих коллег, недавно бывший в Киеве, сказал мне, что ему там нигде, кроме Академии Наук, не пришлось слышать украинскую речь. Также мало, по доходящим до меня известиям, говорят по-украински, вне официальных кругов, в Харькове.

<sup>57</sup> Свен Андерс Гедин (швед. Sven Anders Hedin) (1865 - 1952) – шведский путешественник, географ, журналист, писатель, график, общественный деятель.

<sup>58</sup> Англ.: последнее не менее важное.

<sup>59</sup> Вельтман Михаил Лазаревич (псевдонимы Павлович (*Волонтер*) (1871–1927) – советский публицист, историк-востоковед, революционер, социал-демократ, военный корреспондент.

<sup>60</sup> Гордлевский Владимир Александрович (1876—1956) – российский и советский востоковед-тюрколог, специалист по турецкому языку, литературе, фольклору и истории Турции. Доктор филологических наук, профессор. Академик АН СССР.

<sup>61</sup> Самед Ага Агамалыоглы (Səməd Ağa Ağamalıoğlu) (1867-1930) – азербайджанский и советский политический и государственный деятель, член Закавказского сейма, член Национального совета Азербайджана, народный комиссар земледелия Азербайджанской ССР (1920), Председатель ЦИК Азербайджанской ССР (1922-1929) и один из председателей ЦИКа ЗСФСР. Один из руководителей по проведению алфавитной реформы в Азербайджане и организатор I Туркологического съезда в Баку в 1926 г.

<sup>62</sup> Ольденбург Сергей Федорович (1863 -1934) – российский и советский, один из основателей русской индологической школы, академик Российской академии наук (1903 г.) и Академии наук СССР, академик Всеукраинской академии наук (1925 г.), неперенный секретарь Академии наук в 1904—1929 гг. Член Государственного совета (1912–1917), министр народного просвещения Временного правительства (1917 г.).

На некоторое время мне придется уехать отсюда, в виду полученного и принятого мною приглашения в Турцию. Надеемся ехать с женой (сестрой, как Вы, вероятно, знаете, покойного В.А. Жуковского) во второй половине декабря. Проедем через Киев; остановится там не придется, так как, вероятно, будем ехать прямым поездом на Одессу, но, должно быть, поезд стоит в Киеве довольно долго. Если этот будут дневные часы, я на всякий случай напишу или телеграфирую Вам о времени нашего приезда, хотя, разумеется, отнюдь не хочу причинять Вам этим беспокойство; нисколько не буду в обиде, если более важные дела помешают Вам приехать на вокзал. Думаю, что мы бы друг друга узнали, хотя до сих пор только переписывались.

Всего лучшего. Преданный Вам В. Бартольд

**№ 3. А.Е. Крымский – В. В. Бартольду [СПб АРАН - ф. 68, оп. 2, д. 128. Автограф, л. 18 – 21].**

Киев, 25 марта 1928 г.

Многоуважаемый Василий Владимирович!

Я получил Ваше уведомление о смерти Вашей супруги, и тяжелое, щемящее чувство охватило меня, которое так и не проходит. И это чувство – не простое соболезнование о Вас (хотя я, старик, очень ясно представляю, как тяжело в наши годы лишиться товарища и ангела-хранителя). Нет, смерть эта больно и горько отозвалась и во всем **моем** существе, потому что я тоскливо ощущаю, как и в моей жизни перевернулась одна страница – к концу книги. Я не воспитанник Петербургского ун[иверсите]та, но я духовно связан тесными связями с его деятелями, и среди них покойный В. А. Жуковский вызывал во мне сугубое чувство уважения и глубокой симпатии. Поэтому когда я познакомился с Вашей супругой, как-то легко почувствовались сразу созвучные ноты, разговор не был обычным вежливым разговором, а наоборот – таким, в к[ото]ром между людьми устанавливаются душевное понимание, симпатия, уважение. У меня от Вашей покойной супруги осталось неизгладимое впечатление, и много-много времени спустя я с отрадою вспоминал те несколько часов, к[ото]рые провел в Вашем и покойницы обществе на киевском вокзале. Для Вас и для нее это был, конечно, лишь случайный дорожный эпизод, для меня – источник живой воды и сноп света среди окружающей мглстой действительности. И теперь этой светлой странице – больше не повториться... Ваша супруга – покойница... Второй уж день прошел, как я получил Ваше письмо, - и жгучее чувство боли не ослабевает, не заглушается; а сего дня (вечер субботы) даже больше щемит, чем при первом известии. И все время вспоминается ее добрый взгляд, устремленный на Вас, когда она о Вас говорила, или тот звук голоса, с к[ото]рым она рассказывала о смерти Валентина Алексеевича, или отдельные фразы о каких-нибудь мелочах даже, оставшиеся, однако, в памяти. И ужас охватывает – подумать, что над нею теперь тяжелый слой земли, непроницаемый мрак... и уста немые, и взгляд потух...

И если ее смерть производит такое тяжелое впечатление на **меня** – то что же должны испытывать **Вы!** Пошло было бы с моей стороны повторять Вам избитые слова утешения; но как хотелось бы мне быть сейчас возле Вас и крепко-крепко пожать Вам руку, молча, без фраз!

Письмо Ваше почти совпало с прибытием, из Туркестана, сборника в Вашу честь, – и тут тоже пришлось испытать известное чувство горечи. Конечно, сборник издан превосходно, и статьи в нем интересные, – но почему же Ваш юбилей ознаменован лишь как дело небольшой группы лиц, а не был отпразднован в масштабе общерусском и европейском?

И я, и **очень** многие сочли бы для себя более чем приятной обязанностью откликнуться в Вашу честь статьей, – и юбилейный Ваш сборник, конечно, был бы **событием** в ориенталистике, тем более что и за граница приняла бы в нем самое деятельное участие. Я собираюсь на днях писать к И. Ю. Крачковскому, и затрону перед ним этот предмет. Тут идет вопрос не только лично о Вас, а об известной полосе в науке, – полосе, к[ото]рую ознаменовать нужно еще теперь – смотром старых сил, пока они еще не угасли и не наступило грядущее безвременье.

Я очень неравнодушно отношусь к затронутому вопросу, потому что чем ближе к смерти, тем ревнивее говорит во мне ориентализм, и я иногда целыми неделями не могу стряхнуть с себя мысли, что жизнь моя, под конец, сложилась не так, как того требует душа. В мае прошлого (1927) года я решился, может быть и несколько странным способом, сбросить с себя административные обязанности, чтобы по старому московскому – замкнуться в четырех стенах своей библиотеки. Просто отказаться от секретарства было для меня невозможно в силу разных товарищеских или общественных отношений, поэтому я постарался устроить дело так, чтобы сделаться для правящих кругов нежелательным лицом, к[ото]рое **должно** быть исключено из кандидатов в будущие секретари. Используя вопрос об украинском правописании, я сумел составить против нового нашего наркома просвещения несколько таких официальных бумаг, к[ото]рыми восстановил его против себя бесповоротно. Между прочим, я «*coram populo*»<sup>63</sup> и в «особых мнениях» доказывал, что он старается вместо украинизации проводить полонизацию и «искусственно разъединять трудящиеся украинские массы от трудящихся великорусских масс», подсовывая им вместо их родного украинского языка ополяченный галицкий жаргон. А нарком возражал мне, что я провожу русотяпство и обрусение. В январе нынешнего года он заявил мне, что и в академических наших делах он должен повести со мною решительную «борьбу» за мое «недопустимое» обрусительство»: **я**, видите ли, виноват в том, что наша Академия выбирает так много русских, когда есть под боком много своих украинцев. Вместо того, чтобы отрицать свою «вину» и оправдываться, я **раздул** эту тему. Таким образом удалось мне свою особу сделать для наркома неприемлемой и не утвердимой. Заведующего<sup>64</sup> же Главнаукой я, без особого труда, сумел сделать своим личным врагом путем нескольких таких публичных выступлений против него, к[ото]рые его ставили в смешное положение.

---

<sup>63</sup> Лат.: Перед народом.

<sup>64</sup> Написано – заведывающего (украинизм).

Результат – тот, что мне остается нести обязанности неперемного секретаря всего каких-нибудь 2 1/2 – 3 недели: между 10 – 15 апреля будет вместо меня поставлен кто-то другой (не «избран», а «поставлен», потому что новоутвержденная процедура выборов передает исход выборов всецело в руки Наркомпроса). На моем материальном положении это, конечно, отразится (как академик, я получаю 180 руб., а как секретарь – 210), но мне так немного требуется для прожитья, что этот вопрос никогда меня не тревожил, и я свое спасение от административного ярма должен ценить, конечно, гораздо выше, чем секретарское жалованье. Живу теперь надеждой, что наконец-то, под конец жизни, *si sors dat otium vitae*<sup>65</sup>, мне удастся отойти от всякой суеты и завершить хоть главнейшие свои работы, над к[ото]рыми я много лет потрудился, а до сих пор завершить не имел возможности из-за административной барщины. Думаю, что очень скоро обо мне забудут и как о политической фигуре, и я не принужден буду (как это до сих пор, увы, водилось) давать репортерам интервью на политические злобы дня, **которых я не знаю** (!! Да: я газет ведь не читаю, нет на то времени и настроения, – и в последние два года пришлось дойти до такой скабрёзности, что репортеры приносили мне готовый текст желательного интервью, а я, махнув рукой, соглашался признать его за свои мысли, хотя сплошь да рядом не имел и даже не мог иметь своих определенных мыслей по поводу событий, мне неизвестных или неясных).

Живу теперь надеждой, что скоро-скоро отойду от всего этого суетного и возвращусь в свое первобытное состояние.

До сих пор я девять лет честно нес свои обязанности неперм[енного] секретаря, работал до отказа (отдавая за то для науки всю ночь). Теперь меня, перед концом, уже тяготит каждая бумажка, каждый протокол, «отношение» и т.п., как обуза и насилие надо мною. В голове – лишь картины будущей свободы, неограниченного научного труда, без канцелярщины – а рядом с этим остается еще не сброшенная с шеи барщина. От этого контраста я совершенно издергался, и гнетущее известие о смерти Вашей супруги тем сильнее ударило по мне, что нервы совсем измучены. И ко всему добавляется еще одна гнетущая мысль: «Ну, а теперь за кем дальнейшая очередь?». Я лично смерти абсолютно не боюсь, но прожить последние годы с ощущением, что многие не доделано и, пожалуй, так и останется недоделанным, – это ощущение прямо жжет. А когда смерть выхватывает кого-либо из коллег, то тут жгучее чувство боли усиливается от сознания: «И **заменить** некем». , как говорит простонародная арабская поговорка.<sup>66</sup> راحت الناس وبقى النسناس

<sup>65</sup> Лат.: Если он дает много досуга.

<sup>66</sup> Араб. : Rahat an-nas wa baqiya an-nass. Древнеарабская поговорка. Эта поговорка арабов объясняется двумя вариантами перевода: 1. Ушли люди, и остался лишь их след; 2. Ушли люди, и остались только те, которые лишь похожи на них своими внешними качествами. В контексте письма А. Е. Крымского прослеживается второй вариант перевода на русский язык. Здесь выражена скорбь о смерти человека, который считался профессионалом своего дела, и не существуют таких людей, которые бы смогли его заменить.

Я знаю, что я не сумел в этом письме хорошо выразить все настроение, в какое повергла меня Ваша ужасная открытка извещение о смерти. Но, вероятно, Вы душою поймете те чувства, которые я пережил, получивший от Вас ту открытку. Крепко пожимаю Вашу руку. Верю, что Вы в своей природе найдете больше мужества, чем мог бы найти я, очутившись в Вашем положении, и верю, что Ваше мужество позволит Вам перенести Вашу тяжелую утрату, не подломившись.  
Весь Ваш А. Крымский.

#### **СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Крачковский И. Академик АН УССР А. Е. Крымский (К 70 – летию со дня рождения) // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. № 1. М., 1941.с. 127–129.
2. Туманович Н. Н. Описание архива академика В. В. Бартольда. – М., 1976. – С. 232 – 466.
3. Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского 1920–1930-х годов / публ. И.М. Смилянкой // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. – М., 1997. – С. 155 – 368.